

Самобичевание и насилие в житии Нифонта Константианского

Пенская Дарья Сергеевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Житие Нифонта Константианского [ВНГ, 1371z] создано между 965 и 1037 гг. [Иванов 1999: 72–75]. Однако действие происходит во времена правления Константина Великого, в IV в. Ребенком Нифонта из провинции отправили учиться в Константинополь, где скоро, забыв о благочестии, герой погряз в грехах, став для юношей города «дверью в погибель» [ЖНК: 10,18]. Детально прочерчен мучительный, полный сомнений путь к святости, череда поражений и раскаяний, борьба с бесами, из которой Нифонт выходит мудрым наставником, знатоком тайн бытия.

По своему строению произведение во многом следует агиографическому канону; намечены основные житийные топосы: проэпий повествователя, рассказ о добродетели родителей, детстве героя, успехи в учении, искушение, святость, кончина, упоминание о посмертных чудесах, краткое послесловие. Но традиционная структура подчеркивает смелое, отступающее от канона содержание, хотя в нем есть и клишированные мотивы, к примеру, предсказания героя, его нежелание занимать епископский пост. Одним из любопытных аспектов нарушения канона являются подробные описания тела и непосредственно связанная с этим тема насилия.

В начале произведения в видимом беспорядке между эпизодами разбросаны короткие, в несколько предложений рассказы о дьявольских проделках: однажды Сатана столкнул Нифонта в колодезь, так что герой повис на конце журавля [ЖНК: 15,4–11]. В другой раз, когда юноша заснул в церкви, Дьявол начал трясти его за ноги, парадоксальным образом косвенно оказавшись союзником благочестия [ЖНК: 25,28–26,7].

С такой же поразительной легкостью автор рассказывает о гораздо более серьезных проступках – например, о том, как Дьявол во сне склонил героя к растлению детей [ЖНК: 23,31–35]. Этот факт лишь упомянут, но Нифонт строго наказывает себя за сексуальные видения: он до синяков бьет себя по бедрам дубинкой и камнями [ЖНК: 24,2–12]. Далее следует удивительный сон-исцеление от греха, в котором, подведя юношу к яме, ангел приказывает ему выбросить из-за пазухи все скопившиеся там нечистоты. Исполнив веление, Нифонт почувствовал невероятную легкость, и ему показалось, что он лишился срамных уд [ЖНК: 24,13–27].

Автор фиксирует позу, жест, мельчайшие, подчас пугающие своей натуралистичностью подробности человеческого тела.

Чтобы избежать искушения, герой каждый день кулаком наносил себе сто, а то и двести ударов. От этого он опал лицом, все тело его было разбито, так что он стал похож на «бледного ходячего мертвеца» [ЖНК: 20,18]. Мотив смерти тела в миру – житийный топос, как правило упоминаемый вскользь и обладающий символическим значением. Здесь же показано, как герой добивается этого буквально.

На редкость точно изображена молитвенная поза: сначала герой стоит на одной ноге, наклонив вниз туловище; затем ставит ноги на плоский камень, садится и бьет по ним; окончив молитву, ударяет по ногам, чтобы оторвать их от камня; а потом ждет, пока сможет встать на одну, а затем на другую затекшую ногу. [ЖНК: 35,25; 32; 36,1–13].

Мотив насилия в ЖНК главным образом связан со снами и видениями: Сатана является к святому с топором [ЖНК: 48,1–5], во время битвы забрасывает стрелами [ЖНК: 108,35], эфиопы с копьями наперевес перекрывают герою дорогу в Рай [ЖНК: 26,30].

Ярко описаны и всевозможные виды наказания грешников: во сне разбойника-эфиопа бесы за волосы тащат в огненную реку [ЖНК:71,5–17].

Еще более страшна сцена, происходящая во время Судного Дня, когда Господь приказывает всем восставшим от века пройти через огненную реку, где грешников поглотило пламя [ЖНК: 93,5–25].

В видениях, дарованных герою наяву, эта тема также возникает. Как-то раз Нифонт встречает человека, обвязанного веревками, за концы которых в разные стороны тянут бесы. Завидев, что Нифонт хочет сотворить молитву, черти превратились в комаров и облепили его руки, словно собирались покусать, надеясь хотя бы таким образом помешать святому [ЖНК: 46–47].

Подспудно тема насилия присутствует и в размышлениях Нифонта о святых, которые за свои благодеяния получают брань и осуждение, подобно тому как Христа, сотворившего столько чудес, люди побили, оплевали и распяли [ЖНК: 58,12–14]. По предположению С.А. Иванова, в этом фрагменте можно обнаружить скрытую отсылку к продолжавшейся в Византии в X в. полемике по поводу юродства [Иванов 2005: 163].

Курьезным образом оказывается, что насилие терпят и сами бесы: так, один из них признается Нифонту, что боями их принуждают нападать на людей, хотя многие того не желают [ЖНК: 66–67].

Тема насилия неожиданно появляется и в визуализированном объяснении смысла обряда Пресуществления Даров. Описывая явленное во время литургии, Нифонт рассказывает, как спустившиеся с неба ангелы режут младенца на части, кладут на поднос вместо Святых Даров, и кровь его стекает в чашу. Но после завершения священнодействия младенец вновь оказывается цел [ЖНК:136–137].

Житие Нифонта Константианского – текст необычный во всем, в том числе и в той картине мира, которую он рисует. Мир произведения оказывается полон пугающими, зачастую символическими образами. Сквозная тема насилия имеет двойное толкование: с одной стороны, благодаря ей возникает общая атмосфера напряжения и тревоги; с другой стороны, она открывает дополнительную смысловую грань в поведении персонажа – герой здесь уникальным образом обращает насилие и против самого себя.

Литература:

Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови / Подг. А.В. Ристенко. Одеса, 1928. С. 17–186. (ЖНК)

Иванов С.А. К датировке жития св. Нифонта // Византийский временник. Т. 58. 1999. С. 72–75.

Иванов С.А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. Москва, 2005.